

Мы пишем стихи порой по вдохновению, порой на заказ. Николай Плескунас мог бы издать сборник стихов под названием «Только для сумасшедших», своровав подзаголовок «Степного волка» Гессе. Представить, что он пишет на заказ, я не могу. В этом смысле Плескунас — чистый лирик, без малейшей примеси конъюнктуры. Как у Моцарта, свежи его партитуры.

Хе-хе. Уже после того, как написала это, обнаружила у автора:

Надо про погоду разузнать,
Гессе завалялся под диваном...
В будке пёс орет, а мне молчать,
Любоваться утренним туманом.

Мы, что греха таить, привыкли путать автора с лирическим героем (хотя, конечно, автору ни за какими рифмами и метафорами не скрыться). Говорила и мне мама после выхода моей второй книжки:

— Прочитает это тот, кто тебя не знает, что он подумает? Что ты только пьешь, куришь и чем попало занимаешься.

Так вот. После чтения Плескунаса может возникнуть ошибочное ощущение, что автор знай себе валяется на диване, мирозерцает вместе с котом и, если повезет, не прочь выпить. Однако Николай — отличный художник, а значит, его мозг и карандаш всегда в работе. И потом, мирозерцать, мироразмышлять, мирооценивать — не означает ли это уже менять мир? После футуристов и обэриутов, после Хлебникова и Хармса вряд ли какое бы то ни было сочетание слов может нас смутить. Но, мне кажется, настоящий поэт — именно тот, кто стенографирует собственную боль и боль мира как собственную (а не просто записывает изменения своей температуры, как может показаться). Поэзия — это всегда измененное сознание, порой бред, приводящий к прозрению. Страдание и катарсис, простите за пафос. Мне нравится этот рыжий бородатый поэт и художник в очках с нерусской, экзотической для Барнаула фамилией.

А знаете, какой у него графический автосимвол? Улитка с крыльями. Всегда можно: а) ползать, б) спрятаться, в) улететь.

